

Митрополит Сурожский Антоний

Встреча в Галилее

Беседа на конференции жен священников
в Питерборо 11–12 мая 1971 года

Царство Божие и пустые хлопоты

Мне хотелось бы поговорить о том, что это такое — быть женой священника. Как вы догадываетесь, мои знания получены из вторых рук и, вероятно, не очень велики. Но мне хотелось бы отметить один или два момента, которые поразили меня в жизни жен наших православных священников, особенно моменты, поразившие меня болезненно.

Собрав все, что я узнал от разных людей, я пришел к заключению, что в жизни жены священника есть две большие трудности не на уровне действия, а на уровне бытийном. Одна пожилая жен-

щина, на протяжении многих лет жена замечательного священника, сказала мне, что первый момент состоит в том, что тогда как Авраам принес в жертву своего сына Исаака единожды, каждый священник чувствует, что его долг хорошего священника — приносить в кровавую жертву всю свою семью ежедневно. Мало того: в случае Авраама Бог обеспечил в замену ягненка, а за жену и детей священника Он никакого выкупа не предлагает. День за днем муж или отец приносит семью в жертву тому, что полагает своим долгом: созиданию Царства Божия и церковной деятельности. Когда жена и дети могут видеть реальную ценность действий мужа и отца, жертва болезненна, но имеет смысл;

но гораздо чаще бывает, что объективная ценность действий священника не очевидна, отчасти потому, что в деятельности священника всегда есть сторона, которую он объяснить или передать другим не может, отчасти же потому, что многое, что священник делает, воображая, будто строит Царство Божие, совершенно бесполезно и представляет собой пустые хлопоты. Во втором случае жена должна проявить понимание и помочь мужу различать между созиданием Царства Божия и множественностью действий, не имеющих с этим Царством ничего общего; действий, которые рядом с Гефсиманским молением, Крестной жертвой, славой Воскресения и Вознесения представляются почти кощунственными. Но в первом случае от жены требуется вера, подлинная вера, которая помогает мужу действовать, дает ему ощущение доверия и поддержки жены, даже когда она не имеет права понять его действия до конца. Есть проблемы, связанные с частной жизнью людей, о которых жена не имеет права знать, есть проблемы, связанные с исповедью и дальнейшим развитием человеческих отношений, где жена может принять участие, но очень небольшое, побочное, и здесь снова от нее требуется вера — вера, покоящаяся на доверии, выражаемая словами: «Я не понимаю, почему ты так поступаешь, но я знаю, что ты человек цельный, человек правдивый, человек Божий, человек любящий, и не вмешиваюсь в твои действия, более того, поддерживаю тебя молитвой, преданностью, всеми силами храня покой и устойчивость в доме».

Я менее всего говорю о внешней стабильности семьи, я говорю о прочности, надежности; потому что очень легко действовать, когда тебе доверяют, и почти невыносимо что-то делать, когда человек, которого ты любишь больше всех, сомневается в тебе на самом глубинном уровне.

«Как бы я хотел быть сиротой,
тогда у папы нашлось бы время
для меня!»

Есть и другие трудности в жизни жены священника. Любой другой человек, когда что-то неладно, может обратиться к Богу. Жена священника порой не может обратиться к Богу свободно и с открытым сердцем, потому что именно Он — причина ее душевного страдания. Ведь именно на службе Ему, в Его имя, из-за Него возникают трудности, которых иначе могло бы не быть; и это должны понимать и учитывать оба — и муж, и жена, и им следует приносить свои трудности Богу во всей простоте и открытости. И помимо Божьего руководства, временами требуется еще чье-то суждение и вмешательство: духовника, друга или епископа.

Я хорошо помню семью одного священника, где возникли большие сложности в отношениях, были потеряны радость, доверие, и не по грехо-

вности, а из-за праведности супругов. Муж был исключительно хороший священник. Так как он был русский священник, то он и его семья жили в большой материальной нужде. Все свое время и жизнь он отдавал пастве, семья чувствовала себя совершенно покинутой. Однажды кто-то из детей сказал: «Ох, как бы я хотел быть сиротой, тогда у него нашлось бы время для меня!» Это очень трагические слова. И как-то я обратился к этому священнику и сказал: «Послушай, ты воображаешь, будто строишь Царствие Божие, но для всех очевидно, что ты разрушаешь собственную семью, а семья есть *Церковь*, по слову апостола Павла и образу, который он дает. Ты должен отказаться от половины священнической деятельности, чтобы воссоздать свою семью». Он ответил с полным сознанием, что таково призвание священника: «Как же можно? Бог послал меня к этим людям, разве я могу их покинуть?» Тогда я воспользовался своей привилегией духовника и сказал: «Ты сделаешь это из послушания, и если кому-то грозит осуждение от Бога, я беру осуждение на себя, но ты отныне отдаешь полжизни семье».

Он так и поступил, сделав это с удивительной честностью и цельностью. Через некоторое время его жена пришла ко мне и спросила: «Что Вы сделали с моим мужем? Мы счастливы!» Тогда я спросил в свою очередь: «И как это повлияло на жизнь прихода? Приход распадается?» И она, а затем и ее муж ответили: «Наоборот, не знаю, почему, но мне теперь не нужно бегать из семьи в семью, люди приходят к нам домой, потому что, как они говорят, находят у нас мир, счастье и свидетельство того, что если дать Богу быть хозяином в доме, дом становится раем».

Я думаю, это очень важно помнить. Может быть, я должен был бы сказать это скорее вашим мужьям, чем вам, но я думаю, всем надо осознавать эту проблему, иначе главным врагом жены священника становится Бог, потому что из-за Него, в Его имя ежедневно приносится Авраамова жертва, из-за Него разрушается радость, счастье, устойчивость семьи.

«Что скажет Он вам, то сделайте»

Я хотел бы предложить вам образ, касающийся священника и, особенно, его жены, в контексте человеческих отношений; не описывая специально приходские ситуации, но человеческую ситуацию в ее универсальном, глубоко человеческом аспекте, универсальном в том смысле, что она приложима ко всему без исключения.

Вы не хуже меня знаете вторую главу Евангелия от Иоанна, рассказ о Кане Галилейской. Мне хочется обратить ваше внимание на роль, которую играет в этом событии Мать Божия; не ко всей притче, а к месту Богоматери и тому, как Она пос-

тупает, потому что Она была не просто «полезной» во внешнем смысле, Она играла непреходящую и решающую роль в этом событии.

Кана, деревушка в Галилее. Брак в бедной семье: гости, крестьяне, друзья из соседних деревень, может быть, несколько друзей из маленьких провинциальных городков в округе — Питерборская епархия; среди прочих приглашена Мария, Мать Иисуса, и также Иисус с учениками. Пир бедняков. Это значит — все, что у них было, уже на столе, они поставили все, что могли, а сердца гостей еще голодны, жаждут еще радости, веселья еще большего, чем уже испытали, и им не хватает вина. И тогда Матерь Божия обращается к Сыну и говорит: «Вина нет у них».

Можно ли поверить, что Матерь Божию волновало только, чтобы запас вина был бесконечен и чтобы гости могли пить, пока не упьются, и чтобы праздник любви завершился всеобщим опьянением во всем его безобразии? Конечно, нет. Но вы помните образ вина в Писании: *вино веселит сердце человека* (Пс. 103:15), вино бодрит людей. И на другом краю спектра — рассказ о Пятидесятнице, схождения Святого Духа, слова людей, слышавших первую проповедь апостолов: еще слишком рано, чтобы они могли быть пьяными от сладкого вина, и однако они говорят, как люди опьяневшие (см. Деян. 2). Везде в Писании образ вина есть образ того, что прикосновение Божие, явление Святого Духа может сделать с человеческой душой, зажечь ее так, что она горит пламенем, полным жизни, света, порыва, сияния и тепла.

Матерь Божия обращается к Своему Божественному Сыну не для того, чтобы Он совершил приземленное чудо, которое кончится земной гулянкой, а чтобы Божественное прикосновение придало празднику нечто, что никогда не улетучится, что сделает радость глубокой, вечной. Но обратите внимание на разговор. Я буду пользоваться переводом, который кажется мне наиболее близким к греческому тексту.

«У них нет вина». Иисус оборачивается к Матери и говорит Ей: «Что Мне и Тебе, Жено? Еще не пришел час Мой». И затем, против всякой логики, ничего не отвечая Сыну, противореча Его словам каждым Своим действием, Матерь Божия обращается к слугам и говорит: «Что скажет Он вам, то сделайте». Христос только что сказал, что ничего не собирается делать. Он только что спросил Ее, почему, по какому праву вообще Она обратилась именно к Нему. Она же указывает слугам выполнить, что бы Он ни приказал, и, как бы противореча Себе, Господь совершает нечто. Он совершает чудо в Кане.

Это не цепь бессмыслиц, это нельзя объяснить ошибкой в тексте, это нельзя принять просто потому, что это Священное Писание, в надежде, что когда-нибудь мы сможем понять то, что пока

рис. Елены Бузальской

кажется совершенно непонятным. Христианские авторы силились понять этот текст, и из глубин церковного опыта возникло некое объяснение. Святитель Иоанн Златоуст принял пессимистическую точку зрения. Он говорит, что здесь мы видим пример обычного поведения матерей: поскольку они привыкли приказывать детям, пока те были маленькими, матери думают, что могут продолжать командовать всю их дальнейшую жизнь, и даже Мать Иисуса заслужила упрек в этом. В свете дальнейшего мне кажется это толкование неверным. Я позволю себе реконструировать текст, — это, конечно, только парафраза и попытка прояснить смысл.

Матерь Божия, тронутая состраданием, знающая, что такое совершенная радость, радость духа,

обращается к Сыну и говорит: «У них нет вина, радость тускнеет, пир подходит к концу, но посмотри, сердца их распахнуты, глубоко открыты в ожидании радости». Он отзывается: «Что у нас общего? Почему Ты обратилась ко Мне? Потому ли, что Ты Мать Моя по плоти и из-за этого чувствуешь Себя ближе всех ко Мне? В таком случае, Мы все еще в области естественных отношений, а это не область благодати, не область Царства, здесь не бывает чудес; и тогда Мой час еще не пришел». И затем, не отвечая Ему, но свидетельствуя, что Царство Божие неким образом уже пришло, Мать Божия совершает акт веры: «Что Он скажет вам, то делайте». И поскольку Она — Та, о Которой Елизавета, движимая Духом, вдохновленная Им в самом сильном смысле слова, сказала: благословенна Ты, уверовавшая, что дано будет Тебе по вере Твоей, по слову Божию (Лк 1:42–45), Она совершает акт абсолютной веры, и Царство Божие устанавливается, ибо везде, где Богу предложена абсолютная вера, то есть полное доверие и верность, Бог свободен действовать: Царство пришло.

По древнему еврейскому изречению, Бог может действовать везде, если только человек Его допустит. И Христос отзывается; здесь больше не действуют естественные отношения, это связи по благодати, по Царству, которое объявлено и свершено, достигло полноты, стало явным. Согласно законам Царства Бог действует свободно, и вода, обычная вода обычной жизни становится вином Царства Божия.

Я сказал, что хочу обратить ваше внимание только на одного человека, на Божию Мать, потому что во многих жизненных ситуациях вы занимаете именно Ее место. Вы можете быть тем человеком, который способен проявить внимание, чуткость, сострадание, понимание, любовь, вы можете различить нужду, не высказанную людьми, которые не верят в возможность выхода. Если вы просто присядете за столом к радующимся, если вы просто посидите у постели больного, если вы просто окажетесь среди обездоленных, сомневающихся, отчаявшихся, — смотрите, слушайте, будьте внимательны, учитесь различать. В какой-то момент вы сможете обратиться к Богу и сказать: «Господи, здесь нужда. Ты открыл ее мне, потому что, по-человечески говоря, мы все слишком эгоистичны, слишком слепы, слишком эгоцентричны, слишком замкнуты в себе, и не замечаем нужды рядом. И я верю в Тебя, я доверяю Тебе безоговорочно. Я знаю, что как Ты говорил с Авраамом о Содоме и Гоморре, воспламеняя его любовью, на которую Ты мог бы ответить, как Ты ответил на молитву Твоей Матери, Ты ответишь и на мою молитву. Я в это верю и потому среди людей, которым кажется, что Царство Божие далеко, — Царство Божие уже здесь, оно уже пришло в силу. Ты можешь действовать, Господи, потому что здесь

присутствует человек, который верит безоговорочно и зовет: „Приди, Господи Иисусе!“»

И это мы можем делать всегда, везде; нет момента, нет ситуации, когда мы не могли бы быть тем, чем была Мать Божия в Кане Галилейской, чем были миллионы христиан в подобной или глубоко отличной ситуации. Присутствие веры делает Богу возможность действовать.

Тесная упряжь

Я прочитаю вам отрывок из «Записок Пиквикского клуба» и, чтобы лучше связать цитату с последующим текстом, предлагаю вам везде, где встречается слово «лошадь», мысленно подставить слова «священнослужитель», или «мой муж», или «я».

— Кэб! — окликнул мистер Пиквик.

— Пожалуйте, сэр! — заорал странный образчик человеческой породы.

— «Золотой Крест», — приказал мистер Пиквик.

— Дел-то всего на один боб, — хмуро сообщил кэбмен своему другу уотермену, когда кэб тронулся.

— Сколько лет лошадке, приятель? — полюбопытствовал мистер Пиквик, потирая нос приготовленным для расплаты шиллингом.

— Сорок два, — ответил возница.

— Что? — вырвалось у мистера Пиквика, схватившего свою записную книжку.

Кэбмен повторил. Мистер Пиквик испытующе взглянул на него, но черты лица возницы были недвижны, и он немедленно занес сообщенный ему факт в записную книжку.

— А сколько времени она ходит без отдыха в упряжке? — спросил мистер Пиквик в поисках дальнейших сведений.

— Две-три недели, — был ответ.

— Недели?! — удивился мистер Пиквик и снова вытащил записную книжку.

— Она стоит в Пентонвиле, — заметил равнодушно возница, — но мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба.

— Очень слаба! — повторил сбитый с толку мистер Пиквик.

— Как ее распряжешь, она и валится на землю, а в тесной упряжи да когда вожжи туго натянуты она и не может так просто свалиться; да пару отменных больших колес приладили; как тронется, они катятся на нее сзади; и она должна бежать, ничего не поделаешь!

Я думаю, что это прекрасное описание жизни духовенства. Здесь описан один из основных моментов, делающих жизнь трудной. Кэб (можно сказать «приход» или что угодно) обладает заме-

чательно большими колесами; стóбит лошади тронуться с места, они начинают крутиться. И что остается делать лошади, как не бежать, спасаясь от колес? По-видимому, деятельность и все возрастающая деятельность есть неизбежное условие жизни жены священника или его собственной жизни. Но проблема состоит не только в том, чтобы быть деятельными; проблема в том, чтобы знать, является ли наша деятельность *христианской*. Ибо все, что делают священник и его супруга во имя Христа, должно быть христианским. Я не подразумеваю совершенно нехристианские слова или поступки в моменты нетерпения или что-то подобное. Я имею в виду нечто гораздо более существенное. Что такое христианское действие? Каким образом действие может быть специфически христианским, в отличие от добронамеренной, разумной, эффективной, нравственно здоровой деятельности неверующего человека или секулярного мира? И кроме того, как в эту картину включить созерцание?

Действие из глубины созерцания

Если, думая о созерцании, вы определяете его в терминах кельи затворника или отшельника в пустыне, а деятельность оцениваете по ее эффективности или цели, тогда, подобно Востоку и Западу в стихотворении Киплинга, «вместе им не сойтись». Но есть ли деятельность то, что мы обычно понимаем под этим словом, и нужно ли определять и описывать созерцание в терминах, какие мы обычно употребляем?

Позвольте мне обратить ваше внимание вот на что. Христос — образец для всякого христианина. Не думаю, что кто-либо может утверждать о себе, что он более эффективно, постоянно и совершенно деятелен, чем Христос. Вся Его жизнь была действием, говорил ли Он или молчал, обращался к отдельному человеку или к толпе, исцелял кого-то или просто пребывал в присутствии людей, Он всегда был в действии, потому что действовал изнутри Себя, и Его влияние сказывалось в том, чем Он был, а не только в том, что Он делал.

С другой стороны, никто никогда не был столь постоянно и совершенно в созерцании, как Господь, но отнюдь не в смысле бегства от жизни в молитву, а в другом, более существенном, более значительном. Евангелие говорит нам, кажется, в пятой главе от Иоанна: *Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу; и суд Мой праведен: ибо не ищю Моей воли, но воли пославшего Меня Отца* (Ин. 5:30). Иначе говоря, слова Христа, произнесенный Им суд был судом Божиим, который Он воспринял с совершенным вниманием, в акте совершенного слушания и исполнения в совершенном послушании услышанному. Мы не раз видим в разных местах, как Христос говорит, что Отец все еще действует, творит. И то, что Отец делает, Он показывает Сыну, и Сын выражает, воплощает, осуществляет это в Своей земной жизни и до конца времен. Следовательно, говорил ли Он или действовал, Христос всегда действовал из глубины созерцания. И созерцание в Нем было совершенной способностью слушать и слышать, смотреть и видеть, и осуществлять — будь то словом, или движением, или безмолвием, или воздержанием от действия — то, что Бог хотел видеть свершившимся.

Я еще вернусь к тому, каким образом мы можем что-то узнать об этом, но тут мы можем видеть, что действие и созерцание для Христа были одно и то же. Он действовал словом, жестом, поступками; Он Сам был действием Божиим, и именно это характерно для христианского действия. Я не хочу этим сказать, что различные наши действия, совершенные в соответствии с Евангелием, по заповедям Христа, целенаправленно, совместно и, следовательно, в поиске, что и как мы должны делать, не находятся в области христианского делания; но хочу подчеркнуть, что в конечном итоге христианское действие должно быть действием Божиим, которое мы уловили и выполнили. Вот чем *мы* должны *быть* на самом деле.

Какого цвета глаза Вашей жены?

Я начал с «Записок Пиквикского клуба», следующей цитатой я спущусь гораздо ниже Диккенса. Года два назад, на пару с каноником Дугласом Раймзом, я читал лекции о молитве в нескольких

рис. Михаила Ганнушкина

городах Соединенных Штатов. Меня забросило в чей-то кабинет, и так как я был слишком усталым, чтобы оставаться без дела, то взял с полки книгу. Мне предстояло прочесть лекцию о созерцательной жизни, и Провидение послало мне стихок, который вам, вероятно, хорошо знаком, но вряд ли применялся для духовного научения. Он начинается так:

В лесу жила-была премудрая сова.
Преостро видя все, скупилась на слова;
Скупясь же на слова, все слышала и знала.
Ах, если бы она для нас примером стала!

Я думаю, это почти исчерпывающее учение о созерцательной жизни для начинающих и для тех, кто живет приходской жизнью, для людей в миру. Стишок говорит нам, что первое условие, чтобы слышать — научиться некоторой степени молчания, первое условие, чтобы видеть — научиться смотреть. Это кажется очевидным. Но это не очевидно из того, как мы относимся к этой теме. Вы прекрасно знаете, как мы слушаем друг друга. Пока человек говорит, мы в мыслях комментируем его слова, и в конце его речи у нас готово возражение ему. Мы не прислушивались к тому, что он говорил, мы вслушивались в то, что можем ему возразить. То же самое верно в отношении зрения. Очень редко мы смотрим в лицо человеку так, чтобы запомнить и увидеть его. Часто ли мы помним лицо человека, которого каждый день встречаем на работе, на улице, на лестничной площадке? Мы узнаем человека по нескольким формальным характерным чертам, вот и все. Я помню одного священника; проповедуя в его присутствии, я сделал подобное замечание. Он сказал: «Как я могу помнить людей, приходящих ко мне? Я слишком многих вижу!» Нет, он не видел никого из приходивших к нему! Потом он спросил: «Можете ли сказать, каким образом этому научиться?» Я ответил: «Закройте глаза и скажите, какого цвета глаза у вашей жены». Он не смог дать ответ! — они слишком долго были женаты... И это чрезвычайно серьезно. Оно, конечно, звучит забавно, но это значит, что мы *не* видим людей и *не* слышим, что они говорят. Что касается слышания, тут дело обстоит некоторым образом еще хуже, потому что глазами мы способны по крайней мере узнать человека, опознать его, но так как мы трусливы, слушаем мы неохотно. Мы слушаем только слова, стараясь не брать на себя риск понять смысл, стоящий за словами; закрываем сердце, чтобы не брать на себя ответственность, чтобы не связаться с мыслью, с жизнью другого человека.

Вы встречаете человека и приклеиваете ему ярлык «учитель», «директриса», «епископ», «мой сосед», и как только вы наклеиваете ярлык, ярлык заслоняет вам человека. Потому что человек не

есть то или другое из упомянутого, он чрезвычайно сложное существо, а вы знаете только одну его грань, отмеченную вашим ярлыком; а в нем есть еще бесконечно много граней, о которых вы даже не подозреваете.

Помню, однажды в Америке я зашел в старый храм. Я просто зашел посмотреть и увидел: сидит человек, охватив голову руками в состоянии, как мне показалось, глубокой подавленности. Я подошел к нему, обнял за плечи и сказал: «В чем дело?» Он обернулся ко мне и начал плакать, а потом рассказал, что женат уже двадцать пять лет, что он священник. И он обнаружил, что больше не любит свою жену, и единственный выход для них — расстаться. А если он расстанется с женой, то расстанется и со священством, потому что это будет полный крах всего, во что он верил.

Мы поговорили, не очень долго, но действительно, что называется, «от сердца к сердцу». И я

рис. Михалла Ганнушкина

посоветовал ему пойти домой, и прежде чем позвонить в дверь, остановиться и осознать, что он ищет не девушку, на которой женился двадцать пять лет назад, что он не станет искать черты, которые он видел некогда, и в целом девушку, которой больше нет; он остановится и скажет себе: я звоню в дверь незнакомой женщины. Кого я встречу? — и спросит себя, может ли он полюбить эту женщину, которую прежде никогда не видел. Он так и сделал, и потом написал мне, что никак не ожидал того, что случилось. Он остановился, отбросил все прежние образы, позвонил в звонок и взглянул в лицо женщины, открывшей дверь; и влюбился в нее. Потому что он посмотрел в лицо действительности и не отогнал ее ради того, что когда-то было реально, но не отвечало его ожиданиям теперь.

«Возвестите братьям Моим,
чтобы шли в Галилею»

Я хотел бы сделать вместе с вами еще один шаг по этому пути. Надежда должна быть укоренена в радости, а радость — в некоем уже пережитом опыте, не в том смысле, что надежда пытается вернуть прошлое, а потому, что она укоренена в уверенности, основанной на нашем собственном опытно пережитом прошлом. Мне хотелось бы напомнить вам отрывок в конце 28-й главы Евангелия от Матфея, когда Христос говорит Своим ученикам, чтобы они шли в Галилею: *там Меня встретите*. На первый взгляд, очень странный приказ. Ученики только что встретили Христа, и Он Сам тут же говорит им, что встретит их в Галилее. Кроме того, почему в Галилее, а не где-либо еще? Разве Галилея — особенно святое, священное место? Разве Галилея — в большей степени врата в Царство Божие, чем Иерусалим, чем Сионская гора, Гефсиманский сад, Крестный путь, Гроб Господень? В чем дело? Мне кажется, Галилея имела особое значение в жизни учеников. В Галилее они впервые встретили Господа Иисуса Христа. Это место первых откровений, это место, где началась Весна их жизни, новизна жизни. Галилея — место первого открытия вечной жизни, восходящего солнца, конец ночи, о которой говорит Исайя (Ис. 21:4, 12). Поэтому вернуться в Галилею после жестких, грубых, жестоких переживаний в Иудее означало вернуться к началу всех начал, вернуться к месту, где все было новым, все в становлении, все свежесть, новизна весны.

Идите в Галилею, оставьте землю Иудеи, где прошла вся борьба, где все застыло в противостоянии, ненависти, отвержении, где все осуществилось в убийстве и смерти. Идите и обретите там вновь все, что на вас хлынуло из вечности, где вы вошли в преображенное время, преображенную историю. И они пошли в Галилею и встретили Христа там, где встретили и обнаружили Его впер-

вые. Тяжкие, жестокие годы в Иудее должны были показаться страшным кошмаром. Они вернулись туда, где все было жизнь, жизнь в избытке, место первого чуда в Кане, место первой встречи с воплощенной любовью.

Я думаю, то, что случилось с ними, случается не раз в жизни каждого из нас по отношению к Богу, по отношению к ближайшему окружению, к родителям, супругам, детям, друзьям; по отношению к приходу, ко всем общественным группам. Есть минута первого открытия, ничем не замутненного видения другого, пока жизнь не сплела двух людей напряжением и проблемами. Позже мы проходим через разные стадии: пыль покрывает свежесть весенних листьев, их иссушает палящий зной, все твердеет, нагромождаются проблемы, неразрешенное напряжение делает жизнь трудной, отношения теряют гибкость. Мы должны время от времени возвращаться в Галилею. Это относится к каждому встреченному человеку, потому что первая встреча была полна безграничных возможностей. Они усыхают с течением времени, и однако они здесь, как семена любви, и если их поливать, охранять, они могут снова расцвести в бытие и цветение Весны.

Вспомните, как вы впервые попали в утомительный, скучный, трудный, назойливый приход. Вы ожидали чего угодно. Это была встреча в Галилее. Вы отворяли двери одному входящему за другим с полной открытостью, без предубеждений, готовые ко всему, то есть готовые узнать посланного вам Богом человека. А потом все стало трудным, однообразным, тяжким. Вы начали жизнь жены священника, радуясь его священству, а позже его священство так много отняло у вас, создало так много проблем, что радость теперь только смутно припоминается, священство стоит между им и вами; я мог бы продолжать, приведя множество примеров. Найдите время, минуты, украденные у жизненной суеты, минуты, когда внезапно, неожиданно на вас снисходит мир, тишина, ясность, и вернитесь в Галилею. Вспомните, как вы радовались на рукоположении вашего мужа, что он стал в новом смысле, новым образом, на новом уровне человеком Божиим, человеком, которого посылает Бог, и как вы готовились рука об руку идти к новой цели. Вспомните приход, каким вы его видели первое время. Вспомните людей. Верните себе все это, потому что все это так же реально сейчас, как было тогда. Будущий помощник священника, следующий диакон, следующий настоятель приедут в этот же самый приход и снова увидят в нем Весну жизни, и их жены тоже.

Перевод с английского М. В. Шмаиной
под редакцией Е. Л. Майданович.
Публикуется в сокращении.